

Многое в истории России задано...

На вопросы журнала отвечает доктор исторических наук, заведующий лабораторией социально-экономической структуры населения Института экономических проблем переходного периода, главный редактор журнала Мир России ОВСЕЙ ШКАРАТАН

«ОНС» Овсей Ирмович, одной из проблем нынешнего переходного состояния нашего общества, как мне представляется, оказалась проблема информационного обеспечения реформ. Масса мифов по поводу их хода строится или на добросовестном заблуждении, или на базе искаженной информации, или при оперировании статистическими данными, собранными по старой методологии и непригодными в новых условиях. Множество аргументов, оценок основываются на информации, в истинности которой нередко возникают сомнения. В такой ситуации появляются мнения, что создание нормальной рыночной экономики невозможно, в частности, потому, что для нее требуется совершенно иное, «статистически чистое» пространство, что ей присуща своя статистическая, социологическая и т. п. база данных, своя информационная культура, отсутствующая в нашей стране. Как бы вы — ученый, консультировавший правительство,— оценили ситуацию, сложившуюся в области информационного обеспечения реформ, удовлетворяет ли вас имеющаяся ныне государственная статистика, что, по вашему мнению, надо было бы сделать, чтобы устранить недостатки существующей системы?

О. Ш. Формулируя свой вопрос, вы, по-моему, совершенно правы в одном, но в то же время совсем не упомянули о другом. Ведь проблемы, связанные не только с информационным обеспечением реформ, но и с ситуацией в нашем обществоведении в целом,— это проблемы людей, там работающих. Вспомним о климате, сложившемся в этой сфере в канун событий середины 80-х годов. Все мы прекрасно знали цену официальной псевдонауке, руководимой из ЦК КПСС, пусть и ставшего несколько более благопристойным, чем за поколение до этого. Знали мы, что наши ведущие так называемые «информационные» центры в области обществоведения на деле не являлись центрами, близкими к уровню современной мировой науки, обслуживающей рыночное хозяйство и демократическую политическую систему, гражданское общество, если угодно — интегрированную в них. С моей точки зрения, современная социология как система может существовать только в обществе гражданского типа. Там, где доминирует государство, т. е. давление на человека, занятого проблемами обществознания, такая наука не может существовать. Конечно, все сказанное не означает, что у нас не было честных в своем профессиональном поведении ученых. И не только ранга А. Сахарова, но и интеллектуально гораздо более слабых. Они делали определенные, значимые и полезные, работы, нередко подвергаясь давлению, а то и травле со стороны своих коллег.

И вот сегодня вся эта картина нашей доперестроечной науки как-то «забылась». Борцами за рынок, утверждающими, что именно они знают истинный рецепт реформирования страны, выступают те, кто еще вчера верно служил старому режиму, бывшему все-таки модификацией то ли тоталитарного, то ли

национал-фашистского строя, но никак не демократическим, гражданским обществом. Оказалось, что в научной среде нет ни виноватых, ни пострадавших, ни знающих, ни незнающих. Вспоминаются давние строки Е. Евтушенко:

Профессор, ни я, ни мой друг не забыли.
Как в самое трудное время вы были
Не с теми, кто бился, а с теми, кто бил,
И предали тех, кто талантливей был.

Поэтому в рассуждениях о разных интерпретациях протекающих сегодня в нашей стране процессов, по-моему, надо оценивать не только их информационную состоятельность, но и самих интерпретаторов. Ведь за статистической базой, например, стоит системная проработка проблем структуры общества, его тенденций и т. д. Только после такой проработки можно определиться с тем, какие эмпирические индикаторы отражают те или иные процессы, как их системно представить и т. д. Следовательно, ни статистическая база, ни база описательная, ни система образов, в каких-то иных формах отражающая действительность, не могут быть адекватными в обществе, потерявшем свою научную культуру.

«ОНС» Как же эту культуру вернуть?

О. Ш. Когда, опомнившись от всего, что с нами было, мы в 1987 году стали рассуждать о дальнейшем развитии, те, кто создавал отечественную социологию, честно сказали: «Внутри страны научить людей социологии и заполнить все информационные бреши мы не сможем. Единственный выход — послать их за границу». В том году впервые за всю советскую историю в США приехала делегация отечественных социологов-профессионалов без каких-либо «марксистских идеологов». Мы провели серию встреч с американскими коллегами, которые сделали все, чтобы мы смогли направить в США десятки молодых людей, хотя это не было поддержано тогда американскими государственными структурами. Затем такой же договор (даже в чем-то более удобный) для проведения ежегодной социологической школы в Великобритании был заключен по инициативе профессора Т. Шанина. Эта школа действовала три года, и голос ее выпускников сейчас уже явно слышится в отечественной науке. Помогли нам и французские коллеги. Причем подчеркну, что все эти действия были результатом инициатив профессионального сообщества, а не плодом каких-то межгосударственных соглашений.

«ОНС» Значит какой-то сдвиг с молодежью произошел?

О. Ш. Конечно. Молодежь рассматривает себя не «последышем» какой-то особой советской научной культуры, а нормально интегрируется в ту общемировую культуру, в которой столь большую роль сыграла культура русская. Вспомним о русской школе социологии с такими великими именами, как Максим Ковалевский или Питирим Сорокин. Она никогда не была слабее, интеллектуально менее значимой, чем любая другая из крупных мировых социологических школ. То есть речь идет о возрождении отечественной традиции, которая была «вытолкнута» за границу, а теперь к нам как бы возвращается. Но в целом в нашей науке все еще господствует «серая» масса псевдоученых, сложившихся в предыдущие годы советского идейно-научного руководства.

«ОНС» Тогда возникает вопрос, можно ли формировать рынок в такой некачественной среде?

О. Ш. Можно по той простой причине, что рынки бывают разного уровня развития, разной собственной культуры. И вопрос только в том, какой рынок мы

в таких условиях построим. При нынешней информационной культуре он не может быть того же качества, что рынок, например, Европейского Сообщества или Североамериканского континента. Многие предсказывают ситуацию, близкую к той, что сложилась в Латинской Америке. Связано это зачастую не столько с информационной средой, сколько со структурой экономики и с уровнем культуры населения.

«ОНС» Но на основе чего в таком случае вы судите об уровне экономики и показателях культуры населения, если наша наука, по вашим словам, плохо справляется со своей ролью?

О. Ш. Я говорил о факторах, которые оказались сегодня «забытыми», ушли из поля общественного внимания. Но нельзя также забывать, что у нас было очень много интересных результатов подлинных профессионалов, признанных мировым социологическим, экономическим и иными научными сообществами. Однако на сегодняшний день мы, по-моему, можем говорить, скорее, о профессиональных ощущениях этих людей, о неких преобразованиях, которые возникают перед профессионалами при дефиците информации. С дефицитом информации приходится считаться всем. Но в целом, по-моему, надо соотноситься с тем обстоятельством, что существуют некие естественные процессы, не зависящие от научной корректировки. Получение того или иного типа рынка, того или иного частнособственнического общества зависит не от информационной базы, а от всей предистории их становления. Мы никуда не уйдем от менталитета россиянина, доминантно представленного восточным христианством, причем в его русской версии, от следов язычества в сознании, присущего людям, жившим и живущим на этой территории. Не уйдем от национальной культуры со следами влияний восточных культур, того, что многими историками называлось «взаимодействием леса и степи», влиянием монгольского ига и последующих воздействий кочевых народов, соприкасающихся с русской оседлой цивилизацией. Можно вспомнить и более близкие времена: чрезвычайно позднее освобождение крестьянства и искусственное торможение ликвидации общинных отношений, практическое отсутствие в истории страны институтов гражданского общества. В 1917 году были уничтожены те первые его элементы, о которых сегодня много пишут, но которые, откровенно говоря, были тогда еще крайне слабы. Можно также вспомнить о традиционности существования в стране крупнейших в мире предприятий, оправданных не экономически, но политико-организационно в условиях милитаризма, и о специфических чертах технологии производства. Все эти и многие другие не названные мной факторы, относящиеся ко всем сторонам жизни и складывавшиеся десятилетиями, остаются с нами, в том числе и напластования четырех поколений советского режима. Есть известное выражение этнологов, что новая культура формируется тогда, когда «умерла та бабушка, которая не родилась». Россия прошла эти четыре поколения, когда «умерла бабушка, еще не родившаяся» в 1917 году. Это означает, что укоренены в повседневность ужасные традиции большевистского режима. (В этом плане Прибалтика имеет перед нами большое преимущество: советские традиции стали внедряться там лишь после войны.) Все это я напоминаю потому, что многое в истории России задано. Например, я убежден (и здесь не поможет никакая статистика), что, к сожалению, Россия обречена на каком-то длительном отрезке времени быть страной корпоративного капитализма. Это не лучший вариант, не самый удобный для простого человека.

«ОНС» Но это не означает, что бессмысленна борьба за более приемлемый вариант развития и не нужна информация?

О. Ш. Конечно. При достаточном объеме информации можно лучше определиться в том, например, каковы возможности включения в эту систему венчур-

ного капитала, малых предприятий, индивидуальных производств и т. п. Каков диапазон возможностей, в пределах которых борьба оправдана. От достоверности исходной информации, конечно, зависит очень важная, на мой взгляд, прогнозная работа, определение трендов, вилки прогнозов для выработки близкой к оптимально возможной линии развития, причем с постоянной ее корректировкой в процессе поступления новых данных. Для такой работы нужны не только информация, но и способные ее квалифицированно обрабатывать специалисты, о чем я уже упоминал.

«ОНС» Говоря о реальных возможностях реформ, нельзя не вспомнить один из известных тезисов «центристских» критиков реформаторов: при проведении реформ надо делать не то, что должно в соответствии с известными теориями, а то, что можно сделать в этой стране и в этих условиях. И неудачи реформирования объясняются такими критиками с позиций пренебрежения фактором возможного.

О. Ш. Думаю, сторонники такого подхода и правы, и не правы. По-моему, проблема в другом. Мы недооцениваем доминирование естественных процессов в обществе. Как легко была отброшена у нас КПСС, будто ее и не было. Но большинство директоров наших предприятий — бывшая партийная номенклатура, верно служившая партии, так и осталась на своих местах. Все попытки покуситься на интересы директората никогда ни к чему не приводили (потому я и сказал, что нам грозит корпоративный капитализм). Можно принимать любые законы, но они будут трансформированы так, чтобы это устроило директорат. Может пострадать конкретный директор, измениться их персональный, демографический состав, но как высокостатусная социальная группа, как подлинные хозяева нашей экономики они никуда не денутся. Вспомним, что Н. Рыжков и М. Горбачев провели закон о предприятии, согласно которому этим людям стало позволено все, и они оказались ни перед кем не ответственны. С этим потом никто ничего не смог сделать, да и особенно не пытался.

Правительство реформ — Е. Гайдар, Г. Бурбулис (насколько я мог судить, наблюдая за ним как советник правительства) — пыталось воздействовать на ситуацию через максимализацию демократического спектра частнособственнического предпринимательства, чтобы зародились предпринимательские неопиты, чтобы им не мешали и они составили бы конкуренцию традиционным структурам. Вы видите, что неопитов не так уж много и их возможности крайне ограничены. Да и сами эти новые структуры — банки, торговые дома и т. п. — возглавляются все той же старой номенклатурой (преимущественно хозяйственной либо так называемой «комсомольской»). Все они были рады отбросить старую КПСС как системную организацию их взаимодействия и в новых условиях стали создавать новые взаимодействия, делать то, что получило название «конвертация власти в собственность». Это, пожалуй, важнейший процесс, и во главе его идет наш великий директорат.

«ОНС» И в рамки этого естественного процесса не вписываются те меры, которые было бы желательно осуществить с точки зрения экономической теории?

О. Ш. Как должно, как хотелось бы, не удается. Вот почему у нас не было «шоковой терапии». Наш директорат не был к ней готов, в отличие от директората польского. У нас сорвали «шоковую терапию», потому что нашему директорату выгоднее медленное «перегнивание» старой государственной собственности в его частную собственность, в его владельческие права. Процесс пошел так, как было выгодно тем, кто и раньше на деле был хозяином нашей экономики.

«ОНС» Вы хотите сказать, что процесс идет сам по себе, вне зависимости от того, кто из реформаторов или их критиков прав, а кто нет?

О. Ш. Все и правы, и не правы. По меткому замечанию одного из лучших наших экономистов профессора Е. Ясина, высказанному еще два года назад, коридор принятия решений в области экономики и социального развития у нас крайне сужен. Он был относительно широк в 1985 году, стал значительно уже к 1987 году после всех глупостей с антиалкогольной кампанией и т. п. Еще более сузился к началу 1991 года и стал совершенно узким к его концу. С тех пор возможности маневра с принятием решений минимальны. Сегодня все убедились, что В. Черномырдин, по сути, действует во многих отношениях так же, как действовал бы Гайдар. Потому столь малопродуктивны дискуссии о том, какова должна быть социально-экономическая политика. Партиям нечего друг другу противопоставлять. Все равно ясно, что уровень жизни поднять сейчас нельзя. Ясно, что уровень жизни работников частных предприятий будет выше, чем труженников предприятий государственных. Ясно, что предприятия, выпускающие потребительские товары и имеющие широкий рынок, будут жить лучше, чем те, которые выпускают оборонную или иную продукцию по государственному заказу. Ясно также, что директорат не позволит ущемить свои права и несмотря ни на что будет получать свои десятки тысяч долларов в месяц, когда рабочие получают лишь десятки тысяч рублей. На данном этапе с этим ничего не поделаешь.

Но это отнюдь не означает, что не надо ничего делать. Вот здесь следует вспомнить о том, что должно. Например, снижать высокие налоги, закрывать лазейки для оттока капитала на Запад, добиваться того, чтобы большая часть ресурсов, концентрируемых директоратом, шла бы не на потребление, а на развитие экономики, пусть в форме частных инвестиций. Очевидно, что сегодня невозможно гарантировать доминирование интересов широких групп населения, но можно защитить наиболее слабых хоть на каком-то минимальном уровне. Можно представить достаточно длинный список системных ограничений при принятии существенно значимых решений. Но в не менее длинном списке могут быть представлены примеры диапазонных решений в случаях, когда кое-что можно скорректировать в пользу более широких групп населения и более перспективных вариантов развития, например, производства, выбора технологически более продвинутых его вариантов и т. д. Здесь разворачивается государственная политика, идут споры. Но это такие споры, в которых брать за горло друг друга уже не имеет смысла. Здесь группы элит конкурируют на своей собственной крепко обретенной почве. К сожалению, этап борьбы, на котором был хоть какой-то шанс получить капитализм с несколько более гуманным лицом, был нами проигран, почти не начавшись. Но проигрыш этот был запрограммирован всей историей нашего тоталитаризма, авторитаризма, «азиатчины», существовавших в России многие поколения.

«ОНС» Мы уже говорили о том, что информационное обеспечение российских реформ оставляет желать лучшего. Но, наверное, есть и положительные сдвиги в этой сфере. Например, в прошлом году стал регулярно выходить информационный бюллетень «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения», интересную информацию получает и ваш институт в ходе проводимых им исследований.

«ОНС» Конечно, можно отметить и положительные моменты. Хотя я не уверен, что сейчас информационная база намного лучше, чем была в 1985 году. Разница, пожалуй, не столько в появлении новых информационных структур и объемов информации, в увеличении числа направлений деятельности общества, «покрытых» информацией, сколько в изменении самой ситуации. Раньше чиновники высокого ранга требовали от ученых высказывания позиций по интересующим их вопросам, но имеющуюся информацию об этих сюжетах (закрытая статистика, разработки КГБ и т. п.) им не предоставляли. Таким образом, информация была у чиновников, а идеи должны были давать ученые. Такая нелепая и

дикая ситуация сегодня исчезла. Сейчас возможности получения информации неизмеримо большие. Открылись также многие (хотя далеко не все) архивы, а ведь у нас, как я уже говорил, исторические тенденции имеют огромное значение.

Но возникла новая проблема. Практически всюду за предоставление информации стали требовать плату. Нигде в мире нет того, чтобы государственные статистические органы предлагали ученым, работающим во имя интересов общества, необходимую им информацию за сумасшедшие деньги. Это создает трудности даже для тех исследователей, которые работают под покровительством достаточно мощных и влиятельных структур. В том же ряду можно упомянуть проблему подписки на газеты и журналы. Ведь для ученого все это — база, на которой он отрабатывает свои представления об обществе, о перспективах его развития. И сегодня ученый, работающий в Академии наук, просто чтобы обеспечить себя информацией в виде необходимой периодики, должен выложить сумму, сопоставимую с его годовой заработной платой! Я не говорю уже о проведении специальных опросов. Эта вещь очень дорогостоящая. Так что в целом ситуация в чем-то стала даже хуже. Заплати — пожалуйста, но как заплатить? Да, сегодня публикуется то, что никогда раньше не публиковалось, но как узнать об этом?

«ОНС» Вы затронули тему периодических изданий как необходимого компонента информационного поля ученого. Сегодня положение научной периодики весьма сложно. Традиционные научные журналы буквально борются за выживание. В то же время вами создается новый научно-публицистический журнал «Мир России». Чем вызвано его появление и что нового вносит он в расширение информационных горизонтов отечественных ученых?

О. Ш. Я считаю, что необходимость такого издания, посвященного именно проблемам России, ее социологии, этнологии, культурологии, обусловлена особенностями нашего переходного периода. Ведь речь у нас идет не просто об экономических или политических изменениях, а о переходе в иную цивилизацию с полным структурным обновлением национального организма. Это требует не только гигантских усилий, но и точного представления обо всех аспектах взаимодействия элементов структуры того уникального организма, каким является Россия. Можно говорить о наших планах, о том, какие проблемы истории, социологии, демографии, этнологии и даже «сатирической социологии» мы будем затрагивать. Особо подчеркну, что это независимый журнал, не являющийся ничьим органом, а значит, свободный от влияния научного чиновничества. За два года (с 1992-го) нам удалось выпустить лишь два номера, но с этого года мы переходим на четыре номера в год. И я надеюсь, мы сможем заполнить ту лауну в информационном пространстве, которая, на мой взгляд, существует из-за отсутствия у нас научного междисциплинарного издания, посвященного исключительно проблемам России.

«ОНС» Последние годы в поток окружающей нас информации органично вписались социологические опросы. В «застойные» времена такого количества опросов, а тем более оперативной публикации их результатов не было.

О. Ш. Различные опросы прочно вошли в нашу жизнь, особенно много заказов мы получаем в преддверии значимых политических событий, таких как выборы. В подобной ситуации все политические группировки готовы заплатить социологам за опросы общественного мнения. Но нередко такого типа работы называют «социологическими исследованиями». Между тем, на мой взгляд, понятие «исследование» предполагает нечто более фундаментальное, основательное (не даром в английском языке эти два типа работ обозначаются разными словами). А принятие

серьезных государственных решений должно покоиться как раз на фундаментальных исследованиях. С ними у нас ситуация отнюдь не радужная. Здесь я бы вновь упомянул о проблеме социологических кадров. Многие одаренные молодые люди, прошедшие подготовку во второй половине 80-х годов, оказавшись в состоянии, близком к голодному, просто уехали или сменили вид деятельности, ушли в бизнес. Я мог бы проиллюстрировать это на судьбе моих лучших студентов, писавших у меня дипломные работы в МГУ. Кроме того, как я уже говорил, такие фундаментальные исследования очень дорогостоящи. И проводя их, мы вынуждены параллельно осуществлять и коммерческие работы, по сути, отвлекающие нас от основного дела. То есть я должен оплачивать исследование своими нервами и мозгами, мозгами своих сотрудников.

И все же, несмотря на все сложности, кое-что делать удается. Так, например, в этом году наша лаборатория провела общенациональный, представительный для всей России опрос по проблемам социальной стратификации и эффективности человеческих ресурсов. Нас интересовали вопросы трансформации в социальной стратификации общества, наметившиеся, начавшиеся и кое в чем уже свершившиеся за годы экономических преобразований. Мы хотели узнать, что собой представляют люди, относящиеся к разным социальным слоям, группам, срезам нашего общества, какой потенциал они несут с собой, к каким экономическим, технологическим и инновационным ситуациям они готовы. Могут ли они послужить базой технологического совершенствования России. Может ли Россия, опираясь на таких людей, стать страной с доминированием высоких технологий и преобладанием тех производств, которые гарантируют формирование «общества двух третей», т. е. общество «среднего класса».

«ОНС» А экономические подразделения вашего института ведут работу по расширению информационных источников о процессах реформирования бывшего советского народного хозяйства?

О. Ш. В институте ежеквартально готовятся очень содержательные обзоры экономической ситуации сегодняшней России. На мой взгляд, они представляют уникальный интерес и при этом действительно доступны всем (кто хочет, покупает их или получает и читает бесплатно). В них дается анализ макро- и микроэкономических, а также социальных и этнокультурных процессов в современном российском обществе. Другого такого издания у нас в стране нет. Сейчас институт начал подготовку ежемесечников подобного типа.

«ОНС» Какими данными оперируют составители этих изданий?

О. Ш. Прежде всего данными государственной статистики, а также данными опросов, которые в той или иной форме проводят не только социологи, но и макроэкономисты, специалисты по экологии и т. п. Есть там материалы ведомственной статистики, статистики, собираемой банковскими кругами, т. е. информация стекается по разным каналам. Насколько я могу судить, макроэкономическая часть более или менее обеспечена. Но уже по микроэкономическим вопросам возникает масса трудностей, и составители всячески стремятся найти ресурсы для специализированных обследований. Так, наш институт постоянно проводит обследования, охватывающие сотни предприятий. Взаимопроникновение наук не могло обойти и эту сферу, поэтому при учете того, что целевая функция подобных работ — экономическая, среди применяемых средств есть, конечно, и социологические.

«ОНС» Насколько репрезентативны ваши опросы?

О. Ш. В нашей академической науке всегда доминировала тенденция по представлению некоего локального объекта в качестве адекватного всей генеральной

совокупности, т. е. всему нашему обществу. Иногда это было ужасно, когда результаты локального исследования распространялись на весь Советский Союз. Но в целом число объектов, конечно, можно минимизировать. Если фундаментально исследовательски доказано, что объекты в таких-то отношениях адекватно отражают всю совокупность, это можно сделать. Можно это делать и для выявления идущих процессов. В любом случае в поле зрения исследователя попадает некая выборка, причем не математическая выборка. Точнее — некий типологический отбор единиц наблюдения, который (как относительно строго доказано) является необходимым и достаточным для получения надежной информации с приемлемой степенью достоверности, для выявления определенных тенденций, для того, чтобы по обследованным частностям можно было бы судить о России в целом.

Конечно, Россия разнообразна и богата региональными, культурно-историческими, экономическими и прочими особенностями, и то, что хорошо в Санкт-Петербурге, может оказаться очень плохим во Владимире, не говоря уже о Калмыкии или Туве. Тем не менее есть возможность «вытащить» представительные объекты, потеряв при этом какие-то частности ситуации. Вообще работа по сбору информации — это, скорее, не исследовательская, а своего рода «фабричная» деятельность, когда заданы выборка и методика, проведен отбор единиц наблюдения и меняются только сроки, некоторые вопросы. Поэтому «втягивание» в данную сферу достаточно крупных ученых, на мой взгляд, не всегда оправдано: это область деятельности для людей, способных работать на фабрике. Смещение фабрики с наукой к добру не ведет: либо человек перестает быть ученым, либо страдает фабрика, потому что тут надо быть рабочим, а не творцом.

«ОНС» Органы нашей государственной статистики — тоже своего рода фабрика. Причем фабрика, работа которой была отлажена для обслуживания старой административно-командной экономики; отработаны соответствующие системы показателей, вопросов. Но даже в старые времена отступления от сложившегося стереотипа (например, новые нетрадиционные обследования) вызвали напряжения в системе рядовых сборщиков информации и, соответственно, более или менее крупные ошибки. Естественно, смена социально-экономических условий не могла не породить еще больших напряжений у работников государственной статистики. Как, учитывая все это, вы бы оценили нынешнее состояние государственной статистики?

О. Ш. Продолжу ту же линию рассуждений, с которой начал. В дореволюционной России была, пожалуй, после английской лучшая в мире социальная статистика, включая экономическую, демографическую, собственно социальную статистику. Была создана система показателей, в этой сфере работали поистине выдающиеся ученые. Вспомним замечательные статистические сборники — губернские и общенациональные. И все это рухнуло в значительной мере после переписи 1926 года. Естественно, выродились органы статистики, вырублены были кадры (хотя, конечно, отдельные яркие имена блистали в сфере и государственной статистики). Ситуация в ней была такой же, как всюду, и не могла быть другой.

Сегодняшняя статистика испытывает острый недостаток в квалифицированных кадрах. Кроме того, она бедна. (А ведь введение в оборот нового показателя государственной статистики стоит миллион долларов.) Она неопытна, боится выборочных опросов, боится выборочной переписи. В ней заняты люди с традиционной советской статистической культурой, и, на мой взгляд, ситуация в этой сфере меняться быстро не может, хотя инновационные идеи есть и там. В целом, по-моему, ситуация скверная, но винить в этом кого-либо сегодня трудно.

«ОНС» А насколько полно государственная статистика или ваши обследования охватывают новые частные структуры?

О. Ш. Во всяком случае те выборочные обследования, которые проводим мы, этот материал дают. Но надо учесть, что вообще исследование этих структур в условиях переходного периода, в условиях развитой теневой экономики чрезвычайно сложно. Ведь предприниматель у нас часто как предприниматель не регистрируется. Он может числиться, например, научным сотрудником какого-либо академического института. Или же директор государственного предприятия: фактически он его владелец. А обычный студент может быть владельцем коммерческой палатки. И такая ситуация объяснима. Государство еще абсолютно не дает гарантий стабильности частного бизнеса, нет уверенности в том, что произойдет завтра в стране. Кстати, так всегда было на мудром Востоке: в нищей лавке сидит оборванный купец, а на деле — один из богатейших арабов или индийцев. Люди так жили тысячелетиями и привыкли прятать свое богатство. У нас сегодня быть богатым действительно опасно. Был бы я богач, я бы тоже прятал.

«ОНС» Подводя итог нашей беседы, можно, наверное, сделать вывод о том, что реформы идут в условиях информационной бедности как для ученых, так и для руководителей страны. Конечно, это откладывает на них свой отпечаток, но тем не менее самое важное — общая тенденция процессов.

О. Ш. Караван идет вперед несмотря ни на что. Более того, мои друзья — иностранцы, периодически навещающие Россию, потрясены нигде не виданным темпом преобразований страны из одной экономической структуры в другую. Конечно, много есть скрытых процессов. Мы говорили только что о теневой некриминальной экономике, а есть еще и криминальная (рэкет страшный, коррупция и т. д.). Хотя на деле криминальной экономики не так уж много. Но самое главное, по-моему, состоит в том, что страна теперь совсем другая, другие люди. Вот лишь один пример: нами был проведен опрос бывших секретарей райкомов Москвы, находившихся на этом посту в августе 1991 года. Оказалось, что почти все они вписались в новую экономику. Другое дело, что по своим убеждениям они разные. Одни (явное меньшинство) хотят возврата к прошлому, другие — социал-демократизации процессов. Большинство же вписались в новые «верхи» и прекрасно оперируют капиталами или дирижируют достаточно мощными блоками в государственном управлении. Такие изменения лучше выявляются не через опросы, а через индивидуальные глубокие беседы, углубленные интервью. То есть надо искать иные, нетрадиционные приемы исследований, и мы такой работой занимаемся. Проводим исследования среди разных ветвей новой российской власти, включая представителей оппозиции. И наши работы показывают, что страна перестает быть милитаристской, вне рыночной, что у людей очень жесткие ориентации на то, как найти свое место под солнцем, как сохраниться в элите, а не как вернуться в прошлое. Конечно, можно сожалеть о том, что произошел слишком большой перехват позиций новой экономики старой номенклатурой. Но, как считают мои зарубежные друзья, это единственное, что гарантирует нам некровавый путь в будущее. И если мы не небольшие, то должны с этим смириться и быть благодарными этим людям за то, что они вместо того, чтобы воевать с новой системой, предпочитают ее возглавлять.

Н. Плискевич, О. Шкартан, 1994